

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
-----------------------	---

Социология литературы

Кто, как, когда и с какой целью сделал русскую классику	8
Письменная литература в России в XIX веке, ее социокультурные функции и читатели	48
К социологии литературного скандала	74
К проблеме профессионализации русских литераторов: литературные «ниши» в первой половине XIX века	97
Риторические стратегии оправдания крепостного права в России в первой половине XIX в.	114

Ф. В. Булгарин

Литературно-критические взгляды Ф. В. Булгарина	138
Булгарин и Карамзин	163
Круги по воде, или Большие последствия одного письма Ф. В. Булгарина	177
Как Иван Тимофеевич Лисенков с Фаддеем Венедиктовичем Булгариным судился	200
А. Г. Киркор и Ф. В. Булгарин: взаимосвязи и идейная близость	226
На страже журналистской этики: письмо Ф. В. Булгарина к И. П. Липранди	241
Неудавшийся Булгарин (М. А. Бестужев-Рюмин и его отношения с Ф. В. Булгариным)	249
<i>Приложение. Письма М. А. Бестужева-Рюмина к П. Н. Демидову</i>	264
«Журнальная всякая всячина» (Аннотированная роспись содержания)	272

История литературы

Наблюдательный Наблюдатель: Н. И. Греч и III отделение	416
<i>Приложение. [Письма Наблюдателя]</i>	433
Н. А. Полевой и III отделение	485
Феоктист Улегов, автор «Гостинного двора российской словесности»	510
Из актрис в черносотенцы: бурная жизнь Елизаветы Шабельской	528
Указатель имен	546

КТО, КАК, КОГДА И С КАКОЙ ЦЕЛЬЮ СДЕЛАЛ РУССКУЮ КЛАССИКУ¹

Теоретические посылки

Литературная классика играла чрезвычайно важную роль в русской культуре (как, впрочем, и в немецкой и во французской, в отличие, например, от американской). Однако изучение того, как она была создана и в дальнейшем пополнялась и трансформировалась, еще только начинается. Можно указать лишь несколько (впрочем, весьма ценных) работ по частным вопросам этой проблемы².

Если верить большинству российских литературоведов, классика возникает ниоткуда, сразу, сама собой. Происходит это просто потому, что авторы создают «произведения

---

¹ Впервые опубликовано в переводе на английский: *The Making of the Russian Classic // Publishing in Tsarist Russia: A History of Print Media from Enlightenment to Revolution / Ed. Y. Tatsumi and T. Tsurumi. L.; N. Y.: Bloomsbury Academic, 2020. P. 37–68.*

² См.: *Brooks J. Russian Nationalism and Russian Literature: The Canonization of the Classics // Nation and Ideology: Essays in Honor of Wayne S. Vucinich / Ed. I. Banac, J.G. Ackerman and R. Szporluk. Boulder, Colorado, 1981. P. 315–334; Levitt M. C. Russian Literary Politics and the Pushkin Celebration of 1880. Ithaca; L., 1989 (рус. перевод: Литература и политика: Пушкинский праздник 1880 года. СПб., 1994); Debreczeny P. Social Functions of Literature: Alexander Pushkin and Russian Culture. Stanford, 1997; Moeller-Sally S. Gogol's Afterlife: The Evolution of a Classic in Imperial and Soviet Russia. Evanston, 2002; Acta Slavica Estonica IV: Хрестоматийные тексты: русская педагогическая практика XIX в. и поэтический литературный канон / Под ред. А. Вдовина, Р. Лейбова. Тарту, 2013; Вдовин А., Лейбов Р. Пушкин в школе: curriculum и литературный канон в XIX веке // Лотмановский сборник. М., 2014. Вып. 4. С. 249–261; Vdovin A. Dmitry Tolstoy's Classicism and the Formation of the Russian Literary Canon in the High School Curriculum // Ab Imperio. 2017. № 4. P. 108–138.*

высоких художественный достоинств»³. Как правило, исследователи пишут о классике, совершенно не проблематизируя это понятие⁴, и получается, что Пушкин и Гоголь родились классиками. Даже если делались попытки как-то специфицировать понятие «классика», они сводились к общим словам и никак не проясняли реальный механизм возникновения классики, как, например, в этом случае: «Классика — это не просто “образцовые” произведения художественной культуры (сама эта *эталонность* есть существенный и неотъемлемый признак классичности, хотя и не исчерпывающий ее). Классика — это те из них, которые наиболее полно отразили прогрессивные идеи и тенденции своего времени, наиболее точно воплотили особенности и, выражаясь корректнее, высшие достижения художественной практики своей эпохи, а в силу этой *экстремальности* (наибольшая полнота, точность и высота ценностной квалификации явлений данного исторического периода) — вышли за пределы своего времени, эпохи, культуры и тем самым обрели *всеобщее* (общечеловеческое) и до известных пределов *вневременное* (обобщенно-историческое) значение»⁵. Более того, этот механизм всячески затушевывался: «Субъект оценки литературных явлений как классических или неклассических — это не отдельные группы ценителей искусства с их пристрастиями, а сменяющие друг друга поколения читающей публики»⁶.

С этим трудно согласиться. Если рассматривать классику с социологической точки, то нельзя не прийти к выводу, что она возникает на определенной стадии развития литературы

³ Ср. у И. Н. Сухих: «...великого писателя <...> создают <...> особенные, выдающиеся качества его произведений...» (Сухих И. Н. Русский литературный канон XX века: формирование и функции // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2016. Т. 17. Вып. 3. С. 334).

⁴ См., например: Катаев В. Б. Игра в осколки: судьбы русской классики в эпоху постмодернизма. М., 2002; Хализев В. Е. Ценностные ориентации русской классики. М., 2005; Толстая Е. Д. Игра в классику: русская проза XIX–XX веков. М., 2017.

⁵ Кондаков Б. В., Кондаков И. В. Классика в свете ее современной интерпретации // Классика и современность. М., 1991. С. 21–22.

⁶ Хализев В. Е. Классика как феномен исторического функционирования литературы // Там же. С. 68.

и формирует ее первоначально часть литературных деятелей этой стадии.

Но начнем с определения классики. По формулировке М. Л. Гаспарова в научном литературоведческом справочнике, «классики <...> — писатели, признаваемые лучшими, образцовыми»⁷. В таком безличном определении неясно, а кто, собственно, признает их лучшими. Если сейчас, скажем, сотни тысяч людей в России признают сочинения Александры Марининой или Бориса Акунина лучшими, значит ли это, что они классики или станут таковыми? На наш взгляд, в научной литературе термин «классика» можно использовать, только если дополнить его определение указанием на тех, кто считает соответствующих авторов и произведения лучшими. С социологической точки зрения классика — это согласованные представления критиков, литературоведов, педагогов и читателей о том, кто являются ключевыми фигурами отечественной литературы.

К изучению классики существуют самые различные подходы⁸. В своем понимании классики мы исходим из разработок российских социологов литературы Б. В. Дубина и Л. Д. Гудкова, которые учитывали, в свою очередь, исследования феномена классики, проведенные Дж. Ф. Кермоудом, Г. Э. Грюнебаумом, Дж. Гиллори и др. В их понимании классика — основа института литературы вообще:

Через отсылку к «прошлому» как «высокому» и «образцовому» устанавливаются пространственно-временные границы истории, культуры и собственно литературы в их конечности и даже окончательности как целого, упорядоченного тем самым в своем единстве и поступательном, преемственном «развитии». Классическая словесность выступает основой ориентации для возникающей

⁷ Литературная энциклопедия терминов и понятий. М., 2001. С. 362.

⁸ См., например: *Kermode J. F. The Classic: Literary Images of Permanence and Change*. N. Y., 1975; *Gorak J. The Making of the Modern Canon: Genesis and Crisis of a Literary Idea*. L., 1991; *Guillory J. Cultural Capital: The Problem of Literary Canon Formation*. Chicago, 1993; *The Canonical Debate Today: Crossing Disciplinary and Cultural Boundaries* / Ed. Th. D'Haen, D. Damrosch, L. Papadima. Rodopi, 2011.

как самостоятельная сфера литературы, для ищущего социальной независимости и культурной авторитетности писателя, делается мерилом его собственной продукции, источником тем, правил построения текста, норм его восприятия, интерпретации и оценки. Тем самым формирование и усвоение идеи «классики» фактически является первым имманентным, «внутренним» механизмом интеграции автономизирующейся литературной культуры, а стало быть и самостоятельной социальной системы, института литературы в его «внутренней» сложности и связности, общественной значимости и «внешней» культурной влиятельности⁹.

Классика дает смысловые основания для социального института литературы и тем самым структурирует его: она является ключевым элементом литературной культуры, обеспечивая его представителей общей системой координат — литераторам дает образцы для подражания, критикам — основу для интерпретации и оценки современной литературы, педагогам — материал для преподавания языка и литературы. В литературе классика обеспечивает преемственность (традицию). Поскольку возникающие новаторские группы отталкиваются от нее, классика стимулирует литературную динамику (при этом борцы с классикой в дальнейшем сами могут быть включены в классический канон). Кроме того, она служит основой как общей социализации, давая материал и язык для обсуждения культурных ценностей в ходе обучения, так и социализации литературной, знакомя с понятиями литературы, жанра, стихотворного размера и прочих литературных норм и условностей.

Возникает классика не сама по себе, ее создают определенные группы:

...апелляция к образцам и авторитетам «прошлого», с которыми устанавливались отношения «наследования», представила собой эффективное средство самоопределения специфических по своему составу и содержательным интересам групп в условиях

---

⁹ Гудков Л. Д., Дубин Б. В., Страда В. Литература и общество: Введение в социологию литературы. М., 1998. С. 38.

интенсивной социальной мобильности и, соответственно, демократизации престижей, широкого распространения грамотности, чтения, книгопечатания, словесности массового тиражирования и обращения¹⁰.

Произведения и их авторы включаются в классику, на наш взгляд, при условии наличия двух факторов: подходящего содержания произведений, с одной стороны, и целенаправленных действий тех, кто отвечает за создание и пополнение корпуса классики, с другой. Писатели, относимые к числу классиков, создают произведения, в которых имеется сложное сочетание разных, нередко противоречащих друг другу ценностей и которые поэтому могут быть по-разному интерпретированы. Как показал Я. Мукаржовский, одни произведения имеют больше предпосылок для возникновения «эстетической ценности» в процессе взаимодействия текста и читателя, чем другие, и «независимая ценность художественного артефакта будет тем выше, чем больший пучок внеэстетических ценностей сумеет привлечь к себе артефакт и чем сильнее он сумеет динамизировать их взаимоотношения <...>»¹¹.

Подобные произведения могут быть посвящены разным темам, важно, чтобы в них были проблематизированы ценностные конфликты, которые актуальны для современников. При этом

в классику <...> культурные группы «вторичных» и «третичных» интеллектуалов, специализирующиеся на рецепции, селекции и репродукции <...> только «высоких», апробированных образцов, ретроспективно отбирают <...> произведения «промежуточные», синтетические по их семантическому составу, представляемым конфликтам и проблематизируемым идеям, по функциональной структуре текста и его читательской адресации. Содержательные

¹⁰ Дубин Б. В. Идея «классики» и ее социальные функции // Дубин Б. В. Очерки по социологии культуры. М., 2017. С. 204.

¹¹ Мукаржовский Я. Эстетическая функция, норма и ценность как социальные факты // Мукаржовский Я. Исследования по эстетике и теории искусства, М., 1994. С. 116.

значения и идеи, отсылающие к новому, современному, даже злободневному, всегда соединяются в таких образцах с элементами традиционного (традиционалистского) образа мира в его целостности, единстве с «изначальным» и «высшим», соответствующими конструкциями пространства-времени, экспрессивными средствами — эстетическими конвенциями, языковыми нормами. Подобные произведения практически не бывают отмечены ни идейным радикализмом, ни экспрессивными крайностями художественного бунтарства и новаторства. Но не свойственны им и отчетливые характеристики предельной массовости. Мы чаще всего не найдем здесь ни исключительной нагрузки на актуальное тематическое многообразие, ни сведения авторского «я» к минимуму (безличной «объективности» повествования) при, напротив, максимально напряженном, принудительно вовлекающем читателя в проблематику, в действие сюжете и принципиально устойчивом в своей идентичности, активно действующем в неожиданных ситуациях герое. Наконец, не будет здесь и характерной для массового искусства неизменной, не подлежащей вопрошанию и сомнению идеологической позитивности несомого образца, этической однозначности исходного (он же итоговый) образа мира¹².

Но важны предпосылки и иного рода, внешние, институциональные. Для возникновения классического канона в обществе должна существовать идея отечественной классики, то есть должна осознаваться важность для общества литературы как таковой и отечественной в частности и кроме того, необходимость иметь некий набор лучших отечественных писателей. Немаловажны также поведение автора, его социальная репутация, которая может способствовать или препятствовать успеху его произведений, а также его деятельность по продвижению своих книг. Авторы для того, чтобы стать классиками, должны получить прижизненную известность.

Ключевую роль в формировании классики играют эксперты: критики, журналисты, коллеги-литераторы, которые

---

¹² Дубин Б. В. Словесность классическая и массовая: литература как идеология и литература как цивилизация // Дубин Б. В. Очерки по социологии культуры. М., 2017. С. 328–329.

могут «проталкивать» представителя своего кружка или просто приятеля, преподаватели литературы и т. д.

В качестве прижизненных предпосылок для вхождения в классику можно назвать следующие (какие-то из них могут и отсутствовать): публикация критических статей, а в идеале и книг о писателе; споры критиков и ряд положительных отзывов в периодике о нем; переиздание его книг, включение его произведений в хрестоматию; издание собрания сочинений; публикация биографии и портрета; наличие инсценировок его произведений; празднование юбилея.

Но не все писатели, получившие при жизни широкую известность, обретают впоследствии статус классика. Из них выделяется некий набор авторов, который отграничивается от прочих. При этом писатель, который становится классиком, после смерти проходит (в несколько этапов) процесс канонизации¹³ (если не все этапы, то хотя бы часть их). Механизмы канонизации воспроизводят во многих отношениях ту же схему, что и при канонизации святых. Однако там есть детально прописанная процедура канонизации и состав святых четко определен и вписан в святыцы, а при канонизации писателей такой процедуры нет, как нет и жесткого списка, существуют фигуры с промежуточным статусом, кроме того, статус классика присваивается не навсегда, кое-кто уходит со временем из канона. Тем не менее есть много общего: тоже пишется биография, аналогичная житию святого, тоже распространяются портреты — аналог икон, тоже есть нечто вроде четьих миней — школьные программы и сборники биографий классиков.

Механизм канонизации святых был вначале перенесен на царственных особ, полководцев и т. п., а потом и на писателей: торжественные похороны, публикация развернутых некрологических статей и воспоминаний, публикация биографических книг, но у писателей добавились и новые, специфические для литературы: издание посмертного собрания сочинений, издание произведений в сериях классических книг, включение произведений в школьную программу.

¹³ См. об этом: *Debreczeni P. Op. cit. P. 223–230.*